

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2025.92.42.007

Актуальность философского наследия Конфуция в контексте противостояния гуманистических и прагматических парадигм в современной мировой политике

Коняев Сергей Вадимович

Доцент кафедры философии и социологии,
Академия труда и социальных отношений,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: rtcn1976@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется актуальность философского наследия Конфуция в условиях современного идеологического противостояния в мировой политике. Проводится сравнительный анализ конфуцианской этико-центричной парадигмы и западного прагматизма как философских оснований политических практик. Автор рассматривает основные положения конфуцианской социально-нравственной философии, включая систему пяти добродетелей и концепцию «небесного мандата», в их противопоставлении редуцированным формам прагматизма, проявляющимся в методах «упорства» и «авторитета». Особое внимание уделяется анализу современных политических практик, демонстрирующих сохранение прагматического подхода в международных отношениях. Доказывается, что конфуцианская модель управления предлагает жизнеспособную альтернативу доминирующему утилитарно-прагматическому подходу и может служить основой для преодоления системного кризиса современного глобального управления.

Для цитирования в научных исследованиях

Коняев С.В. Актуальность философского наследия Конфуция в контексте противостояния гуманистических и прагматических парадигм в современной мировой политике // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Том 14. № 7А. С. 88-95. DOI: 10.34670/AR.2025.92.42.007

Ключевые слова

Конфуцианство, прагматизм, мировая политика, политическая философия, этика управления, гуманистическая парадигма, международные отношения, геополитика.

Введение

Тезис о возможности продуктивного сопоставления взглядов древнего философа с интеллектуальными основаниями современной политической жизни может показаться анахронизмом. Однако сравнительный анализ доктрины Конфуция и философских принципов, детерминирующих политические практики в западном сообществе, демонстрирует не просто исторический интерес, но и выявляет удивительную актуальность идей, сформулированных в эпоху «осевого времени» (термин К. Ясперса). Именно в этот период (800–200 гг. до н.э.) в различных центрах цивилизации произошел качественный скачок – переход от мифологического мировосприятия к рациональному переосмыслению существующих норм и формированию представлений о возможности более справедливого социального устройства, достижимого целенаправленными усилиями человека. Вклад Конфуция в этот глобальный процесс формирования этического этоса имеет непреходящее мировое значение, а его учение предлагает мощную альтернативу доминирующим сегодня прагматическим подходам.

Основное содержание

Сердцевину учения Конфуция составляет не метафизическая система, а целостная философия нравственности, акцентирующая способность человека к созиданию автономной духовной реальности. Эта реальность структурируется вокруг пяти ключевых добродетелей, образующих каркас этической личности:

- Жэнь (仁) – человеколюбие, гуманность, являющаяся фундаментом нравственной природы. Это не абстрактная любовь ко всему человечеству, а конкретное, иерархически выстроенное чувство, начинающееся с любви к ближним. «Жэнь» реализуется через эмпатию и принцип «шу» (恕) – «не делай другим того, чего не желаешь себе».
- И (义) – праведность и чувство долга, противостоящие эгоизму и корысти. Это моральный императив, требующий действий не из соображений личной выгоды, а потому, что они являются правильными по своей сути.
- Чжи (智) – мудрость и благоразумие, противопоставленные глупости. Это способность к моральной дискриминации, разграничению добра и зла, а также практическое умение применять добродетели в конкретных жизненных обстоятельствах.
- Синь (信) – искренность, добросовестность и верность слову, антитеза лицемерию и коварству. Данная добродетель является краеугольным камнем доверия, без которого невозможно функционирование 任何 социальной системы.
- Ли (礼) – ритуал, приличие и этикет, регламентирующие социальное поведение. «Ли» – это не формальность, а внешнее воплощение внутренней нравственности («жэнь»), структурирующее человеческие отношения и придающее им гармоничную форму.

Однако нравственное совершенствование индивида («сю шэнь» – культивация себя) не является самодостаточной целью; оно проецируется вовне, формируя социальную философию, конечной целью которой является создание гармоничного и стабильного общества («чжи го» – управление государством). Критикуя крайности легистов (фа цзя), опиравшихся на репрессивный аппарат закона и наказания, и моистов (мо цзя), проповедовавших абстрактную

всеобщую любовь, Конфуций предложил «срединный путь». Этот путь диалектически соединяет личностное и общественное начала через систему пяти видов взаимоотношений (у лунь): родитель–ребенок, старший брат–младший брат, муж–жена, старший–младший, правитель–подданный. Данная модель, экстраполируя патерналистские семейные связи на все общество, создает органичную основу для стабильной государственности, где законопослушание сочетается с уважением и взаимными обязательствами. Легитимность власти в этой системе обеспечивается небесным мандатом (Тяньмин), который правящая династия заслуживает через накопление добродетели «Дэ». Утрата добродетели, проявляющаяся в тирании и пренебрежении благом народа, ведет к потере мандата и, как следствие, власти. Конфуцианская модель политики является по своей сути этико-центричной: власть и управление легитимны лишь тогда, когда они основаны на моральном авторитете и служении обществу.

В качестве антитезы гуманистическому подходу Конфуция в современном западном (преимущественно англосаксонском) политическом дискурсе доминирует прагматизм – философская доктрина, сформулированная в США Ч.С. Пирсом и получившая развитие в трудах У. Джеймса и Дж. Дьюи. Согласно Пирсу, реальность хаотична, аморфна и познаваема лишь в той мере, в какой она является результатом практической активности индивида, удовлетворяющей его актуальные потребности. Таким образом, мир конструируется через целесообразные действия, а истина тождественна успешности и практической полезности («истинно то, что хорошо работает»).

В условиях необходимости навигации в пластичной и лишённой фундаментальной субстанции реальности Чарльз Сандерс Пирс в раннем трактате «Закрепление веры» (1877) постулирует четыре метода формирования убеждений. Именно метод упорства и метод авторитета, в силу своей инструментальной простоты и операциональной эффективности, подверглись последующей редукции и адаптации в политической стратегии. Эти методы были изъятые из более сложного и самокритичного контекста зрелой философии Пирса, который изначально рассматривал их в качестве несовершенных, донаучных способов социальной фиксации верований, подлежащих преодолению посредством априорного метода и, в конечной перспективе, научного метода, основанного на коллективном поиске объективной реальности, независимой от индивидуальных мнений. Тем не менее, в политической практике XX и XXI столетий оказались востребованными именно эти ранние, донаучные методы.

Метод упорства, описанный Пирсом как неколебимая приверженность индивида собственным убеждениям при игнорировании противоречащих им эмпирических данных или альтернативных точек зрения, в политической сфере трансформировался в доктрину идеологической или стратегической ригидности. На микросоциальном уровне он проявляется в форме фанатизма, тогда как на макросоциальном уровне находит выражение в жёсткой внешнеполитической доктрине, отказывающейся от диалектического взаимодействия с оппонентом и корректировки курса под влиянием изменяющихся обстоятельств или моральных императивов. Такой подход предполагает, что устойчивость верования, его способность обеспечивать психологический комфорт и операциональную определённую для его носителя, представляет собой высшую ценность, превосходящую ценность его соответствия объективной истине или этическим нормам. В современных политических условиях данный метод воплощается в практике санкционных режимов, которые, будучи однажды введёнными, крайне редко подлежат substantive пересмотру, даже в ситуации, когда их гуманитарные издержки начинают превышать первоначально декларируемые политические выгоды. Аналогичным

образом он проявляется в риторике «крестовых походов» за демократию, где изначальная цель сакрализуется и используется для оправдания любых сопутствующих деструктивных последствий.

Метод авторитета, под которым Пирс подразумевал использование институциональной мощи государства, идеологического аппарата и пропагандистских механизмов для навязывания обществу гомогенной системы верований, представляет собой закономерное развитие метода упорства на макросоциальном уровне. Если первый метод ориентирован на индивида, то второй конструирует систему принудительной конформности, в которой источником истины провозглашается не индивидуальный разум и не научное сообщество, а власть – персонифицированная в лице государства, правящей партии, религиозной организации или медийного истеблишмента. Историческими прецедентами здесь выступают тоталитарные идеологии XX века, однако в контексте современных либерально-демократических обществ этот метод обретает более мягкие, но оттого не менее действенные формы. Речь идёт о формировании системы «политической корректности» как совокупности негласных табу, о функционировании медиа-машин, детерминирующих информационную повестку и эмоциональный фон, о деятельности неправительственных организаций, чьи оценочные суждения и рейтинги трансформируются в инструменты мягкой силы (*soft power*). В данной системе власть не столько запрещает инакомыслие через прямое насилие, сколько маргинализирует его, лишает доступа к публичной сфере и дискредитирует посредством апелляции к авторитету «общечеловеческих ценностей» или «экспертного консенсуса», которые сами по себе являются продуктом целенаправленного социального конструирования.

Именно в этом редуцированном, вульгаризированном виде прагматизм, очищенный от изначального скептицизма и самокритичности Пирса, а также от образовательного идеализма Джона Дьюи, становится философским фундаментом для политической практики, в рамках которой мораль, согласно Уильяму Джеймсу, редуцируется до категорий полезности и выгоды. В своих работах «Воля к вере» и «Прагматизм» Джеймс постулировал, что моральные и даже религиозные идеи обладают правом на существование не в силу их соответствия некой объективной метафизической реальности, а постольку, поскольку они «работают» – то есть приносят практическую пользу, удовлетворяют психологические потребности, способствуют социальной адаптации и успешной деятельности. Следовательно, моральные императивы детерминируются не априорным внутренним нравственным чувством, как в кантовской философии, и не универсальными принципами, как в религиозных системах, а биологическими инстинктами, социальными обстоятельствами и утилитарным расчётом. Истинность моральной нормы верифицируется через её «cash-value», её платёжеспособность в «валютном эквиваленте» социальной стабильности, экономического роста или геополитического доминирования.

Данное фундаментальное положение прагматической этики находится в радикальном противоречии с конфуцианской добродетелью «И» (义), обозначающей праведность, долг, моральную правоту и бескорыстие. Как лаконично сформулировано в афоризме Конфуция: «Благородный муж думает о праведности, а мелкий человек – о выгоде» («Лунь Юй», 4:16), конфуцианская этика устанавливает жёсткую демаркационную линию между действиями, мотивированными моральным долгом («И»), и действиями, детерминированными корыстным расчётом. Для Конфуция и его последователей, в частности Мэн-цзы, человек по своей природе обладает врождённым чувством стыда и неприятия несправедливости, и именно культивация этого чувства, а не следование внешней выгоде, конституирует личность «благородного мужа»

(цзюньцзы) – этического идеала, воплощающего моральный авторитет и социальную ответственность.

Вследствие этого концептуального антагонизма в прагматической парадигме управления фигура «благородного мужа», чья легитимность основывается на моральных качествах и следовании Пути (Дао), закономерно замещается фигурой «эффективного менеджера» или «технократа». Решения последнего оцениваются по сугубо инструментальным и консеквенциалистским критериям: результативности, экономической целесообразности, электоральной поддержке, медийному резонансу. Моральная правота, если и инкорпорируется в дискурс, то лишь в качестве производной от успеха, как постфактумная рационализация эффективно реализованной операции. Политический актор в этой системе не является моральным архетипом; он предстаёт как специалист по принятию решений в условиях неопределённости, где этика представляет собой лишь одну из многих переменных величин, которыми можно пренебречь в случае конфликта с «высшими национальными интересами» или соображениями «безопасности». Это порождает специфический дуализм: публичная риторика может быть насыщена моральными категориями (права человека, свобода, демократия), в то время как реальная политическая практика детерминируется логикой прагматического расчёта, где данные категории используются в качестве инструментов легитимации уже принятых решений, а не в качестве их подлинного основания. Таким образом, конфуцианский императив единства слова и дела, внутренней интенции и внешнего действия, подменяется виртуозной симуляцией, при которой язык морали служит для камуфлирования прагматической сущности властных отношений.

Указанное фундаментальное различие в понимании природы морали и ее места в общественной жизни напрямую проецируется на политическую практику. Прагматизм, сочетаясь с традициями британского эмпиризма и позитивизма, сформировал устойчивое мировоззрение, легшее в философское обоснование колониальной экспансии. Колониальное мышление, руководствуясь принципом утилитарной полезности и представлением о цивилизационном превосходстве, оправдывало системную эксплуатацию, насилие и установление режимов двойных стандартов. Яркой иллюстрацией служит политика Британской империи, где, например, 80-часовая рабочая неделя и отсутствие элементарных прав для рабочих на индийских плантациях и мануфактурах сочетались с развитым трудовым законодательством в метрополии. Как едко отмечал Марк Твен, такая модель поведения основана на архаичном, но живучем убеждении, что «когда англосаксу что-нибудь нужно, он идет и берет».

В современную эпоху, которую можно охарактеризовать как глобальное «осевое время» или эпоху «борющихся государств» (по аналогии с периодом Чжаньго в древнем Китае), этот тип прагматического мышления не только сохраняется, но и приобретает новые, более изощренные формы. Методы «упорства» и «авторитета», описанные Пирсом, проявляются в следующих практиках:

- Целенаправленное конструирование исторических нарративов. Создание и продвижение национально-ориентированных версий ключевых исторических событий (например, роли СССР и США в победе над нацизмом во Второй мировой войне) становится инструментом легитимации текущей политики и формирования «образа врага».
- Стратегия «разделяй и властвуй» в глобальном масштабе. Разжигание и поддержка региональных конфликтов, поощрение сепаратизма и этнорелигиозной розни используются для ослабления геополитических конкурентов и сохранения

- доминирования.
- Системное использование двойных стандартов в международных отношениях. Один и тот же принцип (например, право на самоопределение, суверенитет, защита прав человека) трактуется диаметрально противоположно в зависимости от политической конъюнктуры и лояльности того или иного государства.
 - Совершение масштабных силовых акций, игнорирующих нормы международного права. Классическими примерами служат вторжение в Ирак в 2003 году на основе сфабрикованных данных о наличии ОМУ или, согласно расследованиям ряда экспертов, диверсия на газопроводах «Северные потоки» – действия, которые, оставаясь безнаказанными, демонстрируют примат силы над правом.

Философское наследие Конфуция отнюдь не является архаичным реликтом. В условиях обострения глобальной конкуренции и кризиса либерально-демократических институтов предложенная им этико-центричная парадигма управления, основанная на добродетели, ответственности власти перед обществом и примате справедливости над сиюминутной выгодой, предлагает глубокую альтернативу доминирующему утилитарно-прагматическому подходу. Противостояние этих двух моделей – гуманистической, видящей в политике служение и долг, и прагматической, сводящей ее к технологии удержания и умножения власти, – определяет один из ключевых идеологических расколов современности. Конфуцианский призыв к культивации морального начала в человеке и переносу этого начала на уровень государственного управления выступает не только как философский идеал, но и как критический инструмент для анализа тех деформаций.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ позволяет утверждать, что философское наследие Конфуция отнюдь не является архаичным реликтом, но представляет собой жизнеспособную альтернативу доминирующей прагматической парадигме. В условиях системного кризиса глобального управления, характеризующегося эрозией международного права, девальвацией этических стандартов и нарастанием геополитической турбулентности, конфуцианская этико-центричная модель предлагает принципиально иную систему координат для осмысления власти и ее ответственности.

Актуальность учения Конфуция проявляется в его способности дать ответ на ключевые вызовы современности. В противовес редуцированному прагматизму, редуцирующему мораль до категории полезности и оправдывающему политику двойных стандартов, конфуцианство утверждает онтологическую связь между моральным авторитетом и политической легитимностью. Императив «исправления имен» (чжэн мин), требующий соответствия сущности явления его внешним проявлениям, выступает мощным критическим инструментом для разоблачения симулятивной природы современного политического дискурса, где риторика прав человека и демократии зачастую служит камуфляжем для реализации узкокорыстных интересов.

Конфуцианская концепция «небесного мандата» (Тяньмин), условливающего право на власть исключительно при условии нравственного самосовершенствования правителя и его служения общественному благу, бросает вызов технократическому редуционизму, сводящему управление к набору административных технологий. В эпоху, когда «эффективный менеджер» стал доминирующим политическим архетипом, конфуцианский идеал «благородного мужа»

(цзюньцзы) напоминает о том, что подлинная эффективность государственного управления неотделима от моральных качеств управляющих.

Противостояние гуманистической парадигмы Конфуция и утилитарно-прагматического подхода определяет один из ключевых идеологических расколов современности. Это не просто спор о методах управления, но столкновение двух различных картин мира: в одной политика есть продолжение этики и служение общему благу, в другой – технология удержания и умножения власти, где мораль является не более чем инструментом легитимации. Обращение к философскому наследию Конфуция позволяет не только выявить системные деформации, порождаемые безграничным политическим прагматизмом, но и наметить контуры альтернативной модели глобального управления, основанной на принципах ответственности, доверия и примата справедливости над сиюминутной выгодой. В этом контексте наследие «осевого времени» обретает характер не исторической ретроспективы, а стратегического интеллектуального ресурса для преодоления кризиса смыслов в современной мировой политике.

Библиография

1. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. - М., Логос, 2000.
2. Твен. М. Собр. соч., т. 12. - М., ГИХЛ, 1961.
3. Сяосюань Л. Роль конфуцианства во внутренней политике современного Китая //Россия в глобальном мире. – 2022. – №. 25 (48). – С. 91-106.
4. Люй Ц. ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЫСЛИ КОНФУЦИЯ В" ЛУНЬ ЮЕ" //Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – №. 12-4 (114). – С. 9-13.
5. Сянянь Л. Концепция «Национальной политики» Конфуция в прошлом и настоящем //Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2016. – №. 33. – С. 212-218.
6. Горбачев Н. С. КОНФУЦИАНСТВО. ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ //Международный студенческий научный вестник. – 2020. – №. 2. – С. 165-165.
7. Сушин Е. А. АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ КОНФУЦИЯ В НАШЕ ВРЕМЯ //На
8. Суворов В. В., Фахрудинова Э. Р. Политика памяти и этические основания доктрины конфуцианства //Общество: философия, история, культура. – 2022. – №. 3 (95). – С. 63-67.учно-исследовательская деятельность как фактор личностного и профессионального развития студентов. – 2019. – С. 195-200.
9. КУЧУМОВА Е. В., ЦЗЮНЬТАО В. А. Н., ЛЯНЬАНЬ Х. Э. ИНТЕГРАЦИЯ ФИЛОСОФИИ КОНФУЦИЯ И СОВРЕМЕННОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ //Научный журнал. – 2023. – С. 29.
10. Цзяинь Л. СРАВНЕНИЕ ЭТИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ МЫСЛЕЙ КОНФУЦИЯ И ПЛАТОНА. – 2021.

The Relevance of Confucius's Philosophical Legacy in the Context of the Confrontation Between Humanistic and Pragmatic Paradigms in Modern World Politics

Sergei V. Konyaev

Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology,
Academy of Labour and Social Relations,
119454, 90 Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: rtcn1976@gmail.com

Konyaev S.V.

Abstract

The article examines the relevance of Confucius's philosophical legacy in the context of the modern ideological confrontation in world politics. A comparative analysis of the Confucian ethics-centered paradigm and Western pragmatism as philosophical foundations of political practices is conducted. The author examines the main tenets of Confucian socio-moral philosophy, including the system of five virtues and the concept of the "Mandate of Heaven," contrasting them with the reduced forms of pragmatism manifested in the methods of "persistence" and "authority." Particular attention is paid to the analysis of modern political practices that demonstrate the preservation of the pragmatic approach in international relations. It is argued that the Confucian model of governance offers a viable alternative to the dominant utilitarian-pragmatic approach and can serve as a basis for overcoming the systemic crisis of modern global governance.

For citation

Konyaev S.V. (2025) Aktual'nost' filosofskogo naslediya Konfutsiya v kontekste protivostoyaniya gumanisticheskikh i pragmaticheskikh paradigmat v sovremennoy mirovoy politike [The Relevance of Confucius's Philosophical Legacy in the Context of the Confrontation Between Humanistic and Pragmatic Paradigms in Modern World Politics]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 14 (7A), pp. 88-95. DOI: 10.34670/AR.2025.92.42.007

Keywords

Confucianism, pragmatism, world politics, political philosophy, ethics of governance, humanistic paradigm, international relations, geopolitics.

References

1. Pierce, C. S. Selected Philosophical Works, Moscow, Logos, 2000.
2. Twain, M. Collected Works, vol. 12, Moscow, GIHL, 1961.
3. Xiaoxuan, L. The role of Confucianism in the domestic politics of modern China //Russia in the global world. – 2022. – №. 25 (48). – Pp. 91-106.
4. Liu C. POLITICAL THOUGHTS OF CONFUCIUS IN "LUN YU" //International Scientific Research Journal. – 2021. №. 12-4 (114). – Pp. 9-13.
5. Xiangyan L. The concept of "National politics" by Confucius in the past and present //South-East Asia: current development issues. – 2016. – №. 33. – Pp. 212-218.
6. Gorbachev N. S. CONFUCIANISM. HIS INFLUENCE ON THE POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC LIFE OF MODERN CHINA //International Student Scientific Bulletin. – 2020. – №. 2. – Pp. 165-165.
7. Sushchin E. A. THE RELEVANCE OF CONFUCIUS' PHILOSOPHICAL CONCEPTS IN OUR TIME.
8. Suvorov V. V., Fakhrudinova E. R. The politics of memory and the ethical foundations of the doctrine of Confucianism // Society: philosophy, history, culture. – 2022. – №. 3 (95). – Pp. 63-67. Scientific and research activity as a factor of personal and professional development of students. – 2019. – pp. 195-200.
9. KUCHUMOVA E. V., JUNTAO V. A. N., LIANAN H. E. INTEGRATION OF CONFUCIUS PHILOSOPHY AND MODERN HUMAN LIFE //Scientific Journal. – 2023. – P. 29.
10. Jiayin L. COMPARISON OF ETHICAL AND POLITICAL THOUGHTS OF CONFUCIUS AND PLATO. – 2021.